

Вестник Древней истории

№ 2 (1938 год)

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Древней истории: № 2 (1938 год) / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 357 с.

ISBN 978-5-458-53044-6

"Вестник древней истории" - журнал института всеобщей истории АН СССР. Основан в 1937 в Москве. Публикует исследовательские статьи, рецензии, критику и библиографию по древней истории, хронику научной жизни.

ISBN 978-5-458-53044-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РЕЧЬ тов. СТАЛИНА

*на приеме в Кремле работников высшей школы
17 мая 1938 г.*

Товарищи!

Разрешите провозгласить тост за науку, за ее процветание, за здоровье людей науки.

За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой (а п л о д и с м е н т ы).

За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всеилие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки (а п л о д и с м е н т ы).

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (а п л о д и с м е н т ы).

Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (а п л о д и с м е н т ы). Вспомните 1917 год. На основании научного анализа

общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждая, что Ленин находится «в бреде». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с'ума», что его следовало бы упрятать куда-нибудь подальше. Против Ленина выли тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил (а п л о д и с м е н т ы).

Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки.

Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Папанин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. Но кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?

Вот какие еще бывают «чудеса» в науке.

Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется ПЕРЕДОВОЙ наукой.

За процветание нашей передовой науки!

За здоровье людей передовой науки!

За здоровье Ленина и ленинизма!

За здоровье Стаханова и стахановцев!

За здоровье Папанина и папанинцев! (а п л о д и с м е н т ы).

ЗА ПЕРЕДОВУЮ НАУКУ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

К построению марксистской «Истории древнего мира» АН СССР

«Люди никогда не отказываются от того, что уже добыли... Чтобы не лишиться добытых результатов, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены, как только способ их общения (commerce) между собою перестает соответствовать уже завоеванным производительным силам, изменить все традиционные общественные формы» (Маркс—Письмо к Анненкову. Собр. соч., т. V, стр. 285).

Основная мысль Маркса заключается здесь в том, что именно сохранение «добытых результатов», «плодов цивилизации» требует обязательной перестройки «традиционных общественных форм», когда они мешают дальнейшему накоплению и развитию производительных сил и добытых «плодов цивилизации». Вместе с тем Маркс подчеркивает здесь и самое значение «добытых результатов», от которых «люди никогда не отказываются». А сюда относятся не только все технические изобретения, культурные достижения и все прочие о материализованные продукты труда человеческого гения, но и вся история людей, их прошлое со всем их арсеналом мыслей, идей и теорий, которые создавались и появлялись на различных ступенях социального развития.

Насколько актуальны эти мысли Маркса, написанные им еще в 1846 г., и как прекрасно они выдерживают проверку временем, говорит современная историческая действительность.

Разве в капиталистических странах на наших глазах не происходит разрушение «добытых результатов», потеря «плодов цивилизации» именно потому, что теперь «традиционные общественные формы» капитализма не только мешают сохранению великих достижений культуры, но прямо направлены против культуры, против цивилизации, против результатов развития человечества? Разве не являются лучшей иллюстрацией к этому сжигание книг на кострах фашистской инквизиции, империалистические войны в Испании, Китае, влекущие за собою уничтожение древнейших городов, исторических памятников науки и искусства, развитие человеконенавистничества и мракобесия? Капитализм уже исчерпал свою историческую миссию, как фаза движения общества, теперь он сковывает развитие людей, мешает развитию цивилизации и направлен против культуры.

Совершенно противоположное мы видим в СССР, в Стране социализма, где разрушены «традиционные формы» капитализма и победили социалистические отношения людей, невиданные еще в истории.

Победа социализма в СССР не только создала новые формы экономической и социальной жизни, но вызвала и культурную революцию. Именно новые общественные формы, пришедшие на смену «традиционным», неизбежно должны были повлечь за собою культурное строительство, подъем цивилизации на более высокую ступень. Эта культурная революция не только создает новые ценности, она дает возможность наиболее плодотворно использовать наследство старого мира. «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 387).

Поэтому социалистическая эпоха и борется не только за создание новых культурных ценностей, но и за овладение накопленными знаниями, достижениями науки и техники, искусства и литературы, той прочной базой «добытых результатов» и «плодов цивилизации» человечества, для развития которых открылись еще невиданные горизонты.

Отсюда понятно все то внимание к науке в Стране советов, которое поднимает советский народ на большевистскую борьбу за знания. Партия и правительство, заботливо развивая научную деятельность в нашей стране, создают тем самым ту основу, благодаря которой вся колоссальная созидательная работа масс по строительству социализма протекает планомерно, обосновывается теоретически, предваряется научным исследованием, серьезным изучением и точным расчетом. Вся завоеванная в прошлом культура, все достижения человеческого знания, весь мощный аппарат науки и научных учреждений—все это ставится на службу социализму, на службу народу.

Это назначение науки в Стране социализма прекрасно выразил товарищ Сталин в своем выступлении в Кремле на приеме работников высшей школы. Нам нужна такая наука, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (С т а л и н).

История социалистического строительства в СССР наглядно показывает нам весь путь науки, ее перестройки, постановки ее на службу народу. Успехи социалистического строительства объясняются в значительной степени тем, что партия большевиков и советское правительство сумели на службу народу поставить науку со всем богатейшим арсеналом накопленных знаний. Всем известен тот замечательный факт, что В. И. Ленин в те дни, когда формулировал в своей брошюре «Очередные задачи Советской власти» практические вопросы диктатуры пролетариата, одновременно занимался разработкой плана научно-технических работ Академии наук. Борьба за социализм являлась у В. И. Ленина борьбой за науку, равно как борьба за науку, за историческую истину, за правду народа неизбежно превращалась у него в борьбу за социализм.

Это объясняет нам то, почему ни в одной стране не производятся такие исключительные по масштабу исследования, как в Советском Союзе. Изучение недр земли, почвы, морей и климата, исследования в области физики, биологии, медицины, в области общественных наук—археологии, истории, философии, экономики—проводятся с воодушевлением при максимальной поддержке правительства. Дальнейший подъем всего многообразия исследовательской деятельности в СССР на высоту именно такой науки, о которой в своем выступлении говорил товарищ Сталин и которая

называется передовой,—является очередной задачей. Именно в связи с этой задачей и был поставлен 8 мая с. г. отчет Академии наук в Совете народных комиссаров СССР. Как известно, Академия наук СССР является колоссальным научным организмом в стране, с массой отдельных институтов, с большим планом работ. Но эта работа еще недостаточна, она требует дальнейшей перестройки, привлечения молодых сил из кадров новых специалистов, выросших в процессе социалистического строительства.

Недостаточной является работа Отделения общественных наук Академии. Марксизм-ленинизм, единственно плодотворный научный метод, открывает огромные возможности перед нашими историками, философами, экономистами. Но академики-марксисты играют до сих пор заурядную роль и в достаточной степени ни они, ни возглавляемые ими институты по общественным наукам не отвечают непрерывно растущим запросам масс советского народа. В особенности сейчас становятся настойчивыми запросы вузов, школ, советской интеллигенции, широких масс колхозного и рабочего актива на учебники по истории, на литературу по истории нашей родины, на капитальные работы по всеобщей истории и истории народов СССР. Историческая наука страны должна ответить на все эти запросы.

Вот почему в напряженной борьбе социалистической эпохи за знания, за развитие «точного знания культуры, созданной всем развитием человечества» (Л е н и н), немаловажная роль принадлежит той когорте армии культурного фронта, которая выковывает м а р к с и с т с к у ю и с т о р и ч е с к у ю н а у к у.

Не приходится говорить о значении этой области науки. Историческая наука ценна нам не только тем, что она раскрывает, как приобретался и умножался практический и теоретический опыт человека в борьбе за новую, более прогрессивную организацию общества, но и тем, что она вооружает человека знанием законов развития общества для сознательного применения их в борьбе за коммунизм.

Значение этой науки отмечено соответствующими постановлениями партии и правительства. Историки нашей страны всерьез взялись за создание подлинно-научной истории. Важная задача поставлена сейчас Академией наук СССР—составление многотомной «Всемирной истории», в которую шеститомником входит, как его первая серия, «История древнего мира». Задача, поставленная товарищем Сталиным о передовой науке, заставляет подойти к этому делу с исключительной серьезностью. Это относится и к такому отдаленному от нас по времени отрезку человеческой истории, как история древнего мира. Дело составления и написания многотомной «Истории древнего мира» является безусловно крупным и ответственным предприятием, ибо стоит задача всеобъемлющей систематики наших знаний по древности и обработки их с подлинно-научной, марксистско-ленинской точки зрения. Ниже мы попытаемся установить, чем была история, как наука, до сих пор, каково должно быть построение марксистской «Истории древнего мира» и как эта наука должна быть поставлена на службу народу, стать передовой.

* * *

Судьба исторической науки вплоть до нынешнего состояния ее в капиталистических странах наглядно показывает, как беспомощно человек оперирует наследством прошлого, как он иногда боится истины и бежит от исторической правды.

Советский историк прекрасно знает, что само возникновение истории еще в глубокой древности связывалось не столько с желанием дать точную картину прошлого, сколько с стремлением воспеть деяния богов, подвиги царей и героев, божественную генеалогию людей силы, власти и богатства.

Египетская «богиня истории» торжественно регистрирует военные походы фараонов, количество захваченных пленников, важнейшие события царствования. Потомству в назидание она завещает гимны только в честь «светлых» людей.

Созданная Зевсом муза истории Клио воспевала деяния богов, все созданное доблестью знатных героев и поэтому была провозвестницей только славы, которая увенчивает немногих.

На всем Востоке история, поскольку она не являлась простой регистрацией фактов, притом критически не проверенных, сводилась к истории религии, подчинялась богословским идеям.

История человечества представлялась древним, как проявление воли божества, провидения, рока. Фатум как бы заранее определяет судьбу общества и отдельных людей. *Fata scribunda*, по представлениям римлян, уже по истечении недели со дня рождения ребенка начинали руководить судьбой человека. Августин пошел дальше и развивал даже идею некоторого фатума в исторической миссии отдельных народов. Отдельные выдающиеся историки и мыслители древности—Фукидид, Аристотель, Полибий, Аппиан и др.—пытались осмыслить исторический процесс, но они не могли выйти за пределы, которые ставила им эпоха, и неизбежно разделяли иллюзии этой эпохи.

Вследствие младенческого состояния исторической науки в древности ее значение было ничтожно. На этом уровне исторического знания, естественно, не могло еще стоять ни проблемы о закономерностях социального развития, ни вопроса об учете опыта прошлого для применения к настоящему. Само знание исторического прошлого не могло иметь научного характера, не возбуждало широкого интереса, не имело воспитательного значения и было почти целиком во власти богословов, риториков и просто любителей-дилетантов. Этим объясняется тот факт, что истории как самостоятельной дисциплины, как предмета преподавания, до самого XIX в. вовсе и не существовало.

Античная школа не знала истории в системе обучения и, кроме математики, философии, риторики и гимнастики, ничего вообще знать не хотела.

Великие мыслители и ученые древности—Демокрит, Аристотель, Теофраст, Варрон и др.—были энциклопедистами, изучавшими все отрасли знания. Но школьное преподавание не интересовалось ни естествознанием, ни историей. Для школы история была родом красноречия, искусством драматизации исторических событий путем напыщенной риторики. Такому отношению к истории способствовали и сами историки.

Знаменитый «отец истории» Геродот менее всего намеревался дать верную картину исторических событий, о которых сам писал: «Правда ли это, я не знаю; но что говорят, то и пишу» (II, 123). Об этом уровне истории хорошо говорят античные писатели, из которых Плутарх пишет «О злостности Геродота», Аристотель называет последнего «мифологом», Авл Геллий—*homo fabulator*, Ктесий—лжецом, а Лукиан даже уготовил Геродоту место в аду за его ложную историю. Вряд ли, конечно, это может в какой-либо степени послужить для недооценки Геродота, ибо ведь другие-то античные историки не всегда были лучше «отца истории».

Известно, что Лукиан, ввергнувший Геродота за ложь в преисподнюю, сам рекомендовал исследовать у историков не то, что они говорят, а как они говорят, их риторику. Может быть, еще самокритичнее был Сенека, который в своих «Естественно-исторических вопросах» рекомендовал другим, как и себе, поступать, как «историки», «много сочиняющие на свой страх и риск, но не желающие что-либо доказывать» (*Quaest. nat.*, IV, 3, 1).

В античности на историю обычно смотрели не как на науку, а как на область риторических упражнений. «*Historia est opus maxime oratorium*», — говорил Цицерон (*De orat.*, II, 62).

В средние века развитие истории сковывается рамками теологии, исходным пунктом которой была библия.

История в эпоху средневековья превратилась в служанку богословия и была подчинена доказательству непреложности «истин» священного писания. Всякая попытка правильно взглянуть на историю объявлялась ложью, внушенной дьяволом. Господство теологии позднее не только разрушало приобретенные ранее исторические знания, но и вело к фальсификации истории. Разве только фашистская Германия может конкурировать с средневековьем по количеству подделок истории и документов. Напомним только общеизвестные в истории подделки, как «дарение Константина», на которое опирались притязания римских пап на светское господство в Италии, и «Лже-исидоровы декреталии», которыми папы обосновывали свои права на господство во всей христианской церкви. При этих условиях средние века в области исторического исследования не шли дальше составления хроник.

Школа на всем протяжении средних веков, как и в античности, не знала преподавания истории, как самостоятельной дисциплины. Как служанка богословия, она лишь потом стала входить, и только своими некоторыми элементами, в те семь свободных искусств (*septem artes liberales*), изучением которых и замыкалась средневековая школа. Как известно, и в «тривиуме» (грамматика, риторика и диалектика) и в «квадриуме» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) места для истории не было.

Даже в эпоху Возрождения экскурсии в область истории, в связи с изучением античных рукописей, древних языков, не идут далее изучения смены династий, составления каталога царей и заучивания голой хронологии различных, преимущественно военных, событий. Судьба науки постепенно переходила в руки филологов, включавших историю в ведомство грамматических наук. Строятся даже исторические схемы, основанные, главным образом, на изучении судьбы «мирового» латинского языка (например у Целлария в XVII в. — исторические эпохи «золотой», «серебряной» и «железной» латыни).

Некий сдвиг в развитии исторической науки наступил вместе с периодом буржуазных революций, начинавших борьбу против средневекового строя и старых теорий. Резкой критике подверглись и старые методы изучения истории. Реакция наступила и против прежнего увлечения древностью. «Зачем отдавать столько времени древним языкам и басням», — говорит Декарт. Древность, с его точки зрения, уже теряла актуальность. Против средневековых методов изучения древней истории с ее каталогами царей выступил и другой ученый начала XVIII в., Боленброк, человек необычайно тонкой иронии и большого ума. «Я готов лучше смешивать Дария Кодомана с Дарием Гистаспом, — писал он, — и про-

виниться в стольких хронологических ошибках, сколько когда-либо делал еврейский хронолог, чем тратить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хлам, наполняющий голову знатока древностей». О сущности старого изучения истории хорошо в начале XVIII в. сказал аббат Перро: «Чем занимаются в гимназиях?—Гимназии содействуют только обскурению древних; там только и делают, что хвалят классиков, а потом уже действует привычка».

Развитие новых, буржуазных отношений отразилось в области идеологии в появлении рационалистических идей в результате роста индивидуального сознания, личной предприимчивости собственника, владельца капитала. Буржуазия в ее борьбе против феодализма пересматривала старые исторические концепции, в особенности в области древней истории, где особенно прочно держались старые традиции. Здесь идеологам старого порядка легче было проводить реакционные взгляды, чем в преподавании новейшей истории, которая творилась у всех на глазах. Другое дело—древняя история; здесь политические установки труднее поддаются контролю. Учитель здесь был полным хозяином. От ловкости его рук, от хитрости его ума здесь многое зависело. Прославляя древних царей, риторов или философов, можно было внушать враждебные новому режиму идеи. И когда буржуазия приходила к власти, она не могла не обратить на это внимание. При помощи своих видных теоретиков она устроила известного рода поход против старого преподавания древней истории. Во всяком случае любили повторять то, что об изучении древней истории сказал еще Джамбатиста Вико: «В древней истории не будет ошибок в том случае, если рассказывать эту историю будет человек, сам участвующий в современном деле». Было совершенно ясно, что речь идет далеко не о каких-нибудь хронологических ошибках. Ставился вопрос о борьбе со старым освещением истории.

«Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены как старый хлам» (Энгельс—Анти-Дюринг. Соч., т. XIV, стр. 12). Были провозглашены «вечные истины», в которых идеализировалась сущность буржуазного строя. Классовая буржуазная мораль была объявлена «вечной нравственностью», и с ее точки зрения оценивалось прошлое человечества. Не приходится говорить, что такой подход к истории прошлого создавал такое именно «морализирование», которое стремилось к извлечению уроков из прошлого, к защите новых буржуазных норм общественной жизни, к формированию буржуазной теории исторического познания. Для класса, пришедшего к власти на смену господству феодалов, это имело большое практическое значение. «Мораль» становится предметом преподавания. В 1802 г. во Франции вводился следующий круг предметов в школе: «В гимназиях должны преподаваться древние языки, риторика, логика, мораль и начатки наук математических и физических» (§ 10 закона 1802 г. о лицеях). Впервые вводившаяся «мораль» должна была стать азбукой буржуазной политграмоты, бороться со старой моралью феодального общества. Эта «мораль» давалась на исторических примерах прошлого и явилась своего рода суррогатом древней истории.

Таким образом, хотя во Франции после буржуазной революции и ощущалась необходимость введения в школы преподавания истории, однако истории, как самостоятельной школьной дисциплины, еще не существовало. Как известно, потребовалось еще 12 лет, чтобы история была введена в школе, хотя и в весьма своеобразной форме. В 1814 г. было пред-

ложено вести в школе получасовые занятия по истории «по вечерам от 1 апреля и до вакаций» (§ 129 закона 1814 г.). Наконец, в 1818 г. последовал декрет о введении новых предметов—и с т о р и и и г е о г р а ф и и. Преподавание истории вверялось отдельному преподавателю или его особому помощнику («agregé spécial» в § 5 закона 1818 г.).

Только с XIX в. овладение историческими знаниями прошлого мыслится не в форме уже риторического искусства, морализирующих сентенций и составления генеалогических таблиц царей, а в форме специального, самостоятельного и, главное, сознательного изучения прошлых культур, их достижений.

Историческая наука в XIX в. строится заново. Богатое наследство исторических трудов древности и средневековья подвергается всестороннему критическому изучению. Оно не воспринимается, как достойный подражания образец, а лишь как ценный материал, который нуждается в проверке, в освобождении от искусных прикрас ратора, тенденциозности философа, теологических наводнений богословов и излишнего вдохновения поэтов.

Солидный шаг в деле переработки материала древней истории с целью освобождения его от феодально-теократической одежды был сделан Нибуром по Риму и Гротом по Греции.

Маркс и Энгельс хорошо знали их и в особенности занимались работой Грота, которой посвятили ряд критических замечаний. Характерно, что центр внимания Грота в изучении истории Греции переместился. Раньше в истории древней Греции выдвигалась Спарта с ее аристократическим строем, с тем землевладельческим классом во главе, который импонировал феодальной знати и ее придворным историкам. Так было у Митфорда, современника Французской революции, специально использовавшего спартанские образцы в качестве «исторических» аргументов против Французской революции. У Грота, наоборот, превозносились Афины, демократические движения, что делает автора «адвокатом афинского демоса». Банкир, парламентский деятель, либерал по убеждениям, Грот выступал в начале XIX в. за принципы «свободной торговли», за развитие буржуазной демократии и старался эти принципы отыскать и в древности. И материал для этого давали Афины, а не Спарта.

Двенадцатитомная «История Греции» Грота свидетельствовала не только о развитии исторических знаний, но и о том, как историческая наука в университетах буржуазной Европы отражала собою развитие буржуазной идеологии.

Лучше, чем в какой-либо другой работе, это нашло свое выражение в знаменитой «Истории Рима» Моммзена, которая явилась своего рода политическим трактатом в Германии 50-х годов. Известно, что идеализация Цезаря у Моммзена служила целям «власти сильного человека», политики Бисмарка, который в образовании Германской империи 1871 г. должен был бы сыграть роль Цезаря.

Хотя сам по себе труд Моммзена и свидетельствовал о колоссальной исследовательской работе автора, о переработке исключительного по объему исторического материала, наконец, о том, что история встала действительно на научные рельсы, однако было ясно на примере «Истории Рима» самого Моммзена, что буржуазная наука не может дать объективного, подлинно-научного освещения исторического прошлого. Недаром еще Маркс заметил, что автор «Истории Рима» готов был даже в Риме и Карфагене открыть капитализм.

Такое модернизаторское извращение истории древности категориями капитализма с целью апологии последнего и доказательства его извечности характеризует и последующие работы Белоха, Пельмана, Мейера, Ростовцева и др.

Интересно, что сами представители буржуазной науки иной раз не скрывали того, что они выполняют социальный заказ своего класса. «Современность историка,—пишет Э. Мейер,—есть тот момент, который никоим образом не может быть изъят из исторического изложения». Самая тема древней истории, ее «выбор покоится,—по словам того же Мейера,—на интересе, проявляемом современностью к какому-либо действию или результату развития». Сам автор приводимых слов сумел показать это с отчетливостью, когда в начале мировой войны он оставил древнюю историю и занялся... исследованием социально-политического строя Англии. Это было своеобразным ответом на неожиданность выступления Англии против Германии в 1914 г.

Так создавалась историческая наука на Западе. Колоссальная работа по открытию документов, их публикации и переработке в плане исторической реконструкции прошлого сочеталась с подчинением ее узким классовым задачам буржуазии: «Найти в истории прошлого масштаб, приложимый к новейшему ходу развития» (Э. Мейер).

Было бы неправильно думать, что историческая наука в период прогрессивного развития буржуазии не сыграла положительной роли. И Грот и Моммзен не только переработали, систематизировали и публиковали колоссальный материал источников, но и своими историческими концепциями древности старались обеспечить прогресс современности, развитие буржуазных отношений. В этом и только в этом смысле на данном этапе буржуазная наука приближалась к познанию действительности. Так было, пока буржуазия являлась прогрессивной. Но последующее существование буржуазии, когда она исчерпала свою историческую миссию, направлено против истории именно потому, что против нее выступает сама история.

Буржуазия не может приближаться к пониманию объективной действительности, ибо последняя выступает против нее. Научная историческая правда говорит о неизбежной гибели капитализма, и партийный интерес буржуазной науки требует извращения этой исторической истины.

Именно с этим связаны отказ буржуазной науки от исторического исследования, фашистская фальсификация истории или даже прямой поход против исторической науки, против объективного исследования прошлого. «История,—пишет фашиствующий историк Поль Валери,—самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она пробуждает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексy, растревляет старые их раны, лишает их покоя и ввергает в мании—величия или преследования».

Не приходится говорить, что в борьбе против исторической науки, это—последнее слово умирающего класса.

Такова судьба исторической науки при капитализме. Только пролетариат, интересы которого совпадают с тенденциями исторического процесса, создает подлинную историческую науку, правильную точку зрения на процесс познания объективной действительности. Путь к подлинно научному изучению истории, «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса», указал